

А.И. Агеев, М.В. Галушкина, Е.В. Копкова,
В.А. Смирнова, К. Штукельбергер

ИНТЕГРИРОВАННАЯ ОТЧЕТНОСТЬ: ВЫЗОВ МЕНЕДЖМЕНТУ

Москва
Институт экономических стратегий
Национальный центр научно-технической информации
2017

УДК 658.14/.17
ББК -93*65.2/4–65.9
А239

**Агеев А.И., Галушкина М.В., Копкова Е.В., Смирнова
В.А., Штукельбергер К.**

Интегрированная отчетность: вызов менеджменту /
А239 А.И. Агеев, М.В. Галушкина, Е.В. Копкова, В.А. Смирно-
ва, К. Штукельбергер. М.: Институт экономических стра-
тегий, Национальный центр научно-технической инфор-
мации, 2016. — 212 с.

ISBN 978-5-93618-241-9

В последние годы в результате процессов глобализации усложнился как объ-
ект учета, так и предмет, что, в свою очередь, привело к необходимости изменения
методов предоставления и отражения информации о деятельности экономических
субъектов. Кроме того, трансформировались концепции финансового менеджмента,
комплексного фундаментального анализа, корпоративной ответственности, этики
бизнеса и устойчивого развития. Данная монография включает в себя описание из-
менения концептуальных основ, а также основных вопросов, связанных с зарожде-
нием, развитием и применением концепции интегрированной отчетности.

Ценность монографии обеспечивает раскрытие в ней основных принципов
и аспектов инструментов (стандартов) интегрированной отчетности и ведущих
практик ее применения. Кроме того, в монографии раскрывается наиболее слож-
ный вопрос, возникающий при составлении отчетов, — определение существен-
ности. Приводится также ряд показателей, применимых при оценке как самого
отчета, так и состояния компании по результатам анализа информации, пред-
ставленной в интегрированном отчете.

Данная монография станет полезной и в качестве инструмента продвиже-
ния концептуальных основ интегрированной отчетности. На сегодняшний день
основными носителями интегрированной отчетности являются корпорации,
а если рассматривать практику Российской Федерации, то большинство органи-
заций — это некоммерческие организации государственного сектора. Что каса-
ется Международного стандарта интегрированной отчетности, то в разделе «Цель»
подчеркивается, что он предназначен в основном для применения в частном сек-
торе коммерческими компаниями любого масштаба. Монография же может спо-
собствовать развитию интегрированной отчетности в частном секторе, в том чис-
ле в сфере малого бизнеса.

УДК 658.14/.17
ББК -93*65.2/4–65.9

Издание подготовлено при участии Globethics.net Россия,
<http://ge.russia.inesnet.ru/>

Globethics.net

РПП ИНЭС Р1707

ISBN 978-5-93618-241-9 © Авторы, 2017

© Институт экономических стратегий, 2017

© Национальный центр научно-
технической информации, 2017

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

А.И. Агеев — доктор экономических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова и НИЯУ МИФИ, генеральный директор Института экономических стратегий РАН, заведующий кафедрой Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», член Российской региональной сети по интегрированной отчетности (PPC).

М.В. Галушкина — руководитель Российской региональной сети по интегрированной отчетности.

Е.С. Копкова — магистр НИЯУ МИФИ.

В.А. Смирнова — директор учебно-методического центра ИНЭС, член PPC.

Х. Штукельбергер — доктор наук, профессор Базельского университета, президент фонда «Глобальная этика».

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

От фрагментарных к интегрированным системам управления	6
---	---

ГЛАВА 1

Устойчивое развитие и этика бизнеса	21
1.1. Концепция устойчивого развития и нефинансовая отчетность	21
1.2. Социальная и этическая ответственность бизнеса	24
1.3. Ответственное лидерство	32

ГЛАВА 2

Интегрированная отчетность как ключевая новация в управленческом мышлении	42
2.1. Предпосылки возникновения интегрированной отчетности	42
2.2. Понятие интегрированной отчетности и история ее возникновения	45
2.3. Мировой опыт внедрения интегрированной отчетности	54
2.4. Региональные сети интегрированной отчетности	58
2.5. Условия и опыт развития интегрированной отчетности в России	64
2.6. Текущее состояние корпоративной прозрачности в России	72

ГЛАВА 3

Инструменты интегрированной отчетности	85
3.1. Международный стандарт интегрированной отчетности	85
3.2. Трактовка стоимости и капиталов	86
3.3. Принципы и элементы интегрированного отчета	92
3.4. Матрица компетенций в области интегрированной отчетности	94

ГЛАВА 4

Проблема существенности и измерений в интегрированной отчетности	104
4.1. Определение существенности в финансовой и нефинансовой отчетности	104
4.2. Определение существенности в интегрированной отчетности	111
4.3. Существенность в рамках Диалога о корпоративной отчетности	121
4.4. Система индикаторов и показателей в области интегрированной отчетности	130
4.5. Показатели анализа данных интегрированной отчетности в разрезе бизнес-модели и капиталов организации	136
4.6. Показатели оценки интегрированного отчета в рамках конкурсных номинаций	153
Заключение	157
Список литературы	159

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Система добровольной сертификации «Регистр оценки соответствия»	164
--	-----

ВВЕДЕНИЕ

ОТ ФРАГМЕНТАРНЫХ К ИНТЕГРИРОВАННЫМ СИСТЕМАМ УПРАВЛЕНИЯ

Ужесточение глобальной конкуренции, развертывание новых интеграционных многосторонних и двусторонних проектов наряду с коррозией ряда сложившихся объединений и правовых режимов задает новые требования к качеству управления социально-экономическим и научно-технологическим развитием страны и долгосрочными стратегическими рисками. Решение этого класса задач стоит на повестке дня ведущих государств, интеграционных объединений и корпораций. Актуальны все эти проблемы и для России. Многие подходы и институты, ранее представлявшие работоспособными, уже не соответствуют ни нынешним рискам, ни имеющимся возможностям (в том числе информационно-технологическим), ни социальным настроениям и ожиданиям.

В комплексе задач, которые необходимо решить, находятся такие, как:

- а) понимание требований к масштабу задач для системы управления;
- б) информационно-технологические возможности управления;
- в) логика развития идеологии управления;
- г) актуальные проблемы и возможности для развития качества управленческой деятельности в России.

Начнем с того, что Россия относительно глубоко встроилась в мирохозяйственные связи, глобальное информационное пространство и геополитические конфигурации. Это исключает сугубо автаркичные решения, но ставит ребром вопрос о характере обеспечения и уровне экономической самодостаточности, особенно в условиях санкций и информационно-политического давления. Множественность и неоднородность испытываемых Россией угроз и возможностей накладывается на социальную неоднородность и, как ее предпосылку и следствие, на неоднородность целевых и ценностных ориентаций, поведенческих стереотипов и интересов ключевых групп российского общества [1–4]. В результате в выборе стратегической линии развития и модели этого развития наблюдается затянувшийся эффект «рысканий по аттрактору».

Определяя развитость системы управления социально-экономическим и научно-технологическим развитием в топологической шкале (по критериям «уровень решаемых задач» и «ресурсная база»), можно выделить четыре типа управления:

1. Соответствующее масштабу задач и ресурсному потенциалу.

2. Претендующее на достижение масштабных целей, но не использующее надлежащим образом имеющийся потенциал.

3. Не ставящее масштабных задач, но ориентированное на полную эксплуатацию потенциала.

4. Не ставящее задач высокого уровня и не ориентированное на полное использование ресурсного потенциала¹.

Следует сделать два разъясняющих замечания.

Во-первых, о масштабе задач, решаемых системой управления. Вопрос носит вовсе не отвлеченный характер, буду-

¹ Показатели качества управления включают в себя такие параметры, как устойчивость, адаптивность, способность к лидерству, эффективность элитообразования. Так, признаки управления уровня великой державы — удовлетворительность баланса факторов развития, значительность внешнего воздействия.

чи с 2014 г. одним из самых злободневных вопросов международной риторики, напрямую связанным с введением санкций против России и оценкой ее международного статуса. Речь идет о том, державой какого ранга в действительности является Россия. Классификатор по критерию интегральной мощи государств выделяет страны в категории «сверхдержава», «великая держава», «региональная держава», «малое государство». Исторически за каждым понятием стоит эмпирический эквивалент. В современных реалиях статус сверхдержавы имеют лишь США, приближаются к нему Европейский союз и Китай. Россия в этом контексте в настоящее время имеет уровень интегральной мощи в середине диапазона великой державы, при этом уровень системы управления находится на нижней грани диапазона, уступая значениям ряда других факторов [5–7].

Введение санкций против России декларативно аргументировалось ссылкой на ее статус как якобы региональной державы. Исторически и в современной дипломатии отнесение сильным участником системы международных отношений другой страны к той или иной категории означает попытку односторонней и принудительной фиксации лиги значений допустимого (отводимого) ей поведения. Соответственно, из этого зазора между самооценкой России и ее оценкой со стороны США и их союзников неизбежно возникает не только международное противоречие, но и один из главных вызовов системе управления.

Суть вызова — в том, какого масштаба задачи Россия может позволить себе решать и могут ли они выходить за рамки отведенного ей статуса. Вокруг этого вопроса развернулась острая внутрироссийская и международная полемика. В ее оборот оказались вовлечены практически все существенные социально-экономические сюжеты, включая стратегию национальной безопасности, курс на евразийскую интеграцию, бюджетную, денежно-кредитную, научно-технологическую, промышленную политику. Официальный курс РФ был сформулирован как «наращивание экономического суверенитета» [8]. В прогнозе развития до 2030 г., разработан-

ном в Евразийской экономической комиссии, были сформулированы сценарии «Собственный центр силы», «Транзитно-сырьевой мост» и «Продленный статус-кво» [9]. Хотя в реальном пространстве события пока разворачиваются скорее в пространстве второго и третьего сценариев, превращение ЕАЭС в один из самых влиятельных мировых центров силы представляется не только желаемым, но и достижимым вариантом. Необходимым условием его реализации является выстраивание соответствующих этой цели институтов управления развитием. Также ясно, что круг участников евразийской интеграции может и должен расширяться и опираться на гибкость форматов сотрудничества.

Масштабность решаемых системой управления задач имеет весьма практичное измерение. Например, выбор меры участия страны в решении международных проблем и в работе международных организаций или господдержка вхождения некоторых вузов в первую сотню в ряде мировых рейтингов и сокращение младенческой смертности — задачи явно разного приоритета. В конечном счете стратегический выбор сводится к способности и готовности: 1) быть лидером в целевом секторе деятельности; 2) играть роль провинции; 3) периферии; 4) захолустья — технологического, экономического, социального, культурного. Этот выбор касается и страны в целом, и ее регионов, корпораций, и, в конце концов, каждого гражданина. Ставка на лидерство в целевых сегментах мировой экономики и успешные действия по достижению таких целей являются признаком решения масштабных управленческих задач.

Во-вторых, отношение управляющей системы к ресурсному потенциалу градуируется, по сути, на его развитие, использование или эксплуатацию — более или менее беспощадную, вплоть до уничтожения. Система управления, ставящая задачи, соответствующие объективному масштабу страны и ожиданий общества, неизбежно нацелена на увеличение, а не снижение долгосрочной ресурсной мощи страны, в том числе демографической и научно-технологической.

В предложенной топологической шкале имеющаяся сегодня в России система управления обобщенно сочетает в себе свойства второго и третьего типов. Лишь немногие субъекты (корпорации и регионы) действуют в логике первого типа управления и имеют сильные конкурентные позиции. В результате страна представляет собой весьма неоднородное экономическое пространство, в котором сосуществуют технологические уклады и институты разных поколений [10]. Это делает заведомо малоэффективными и попытки унифицированного решения всех проблем, и сброс их решений в поле рыночной самоорганизации. Решение изначально представляется множественным и требует высокой культуры и адекватности управления. Последнее существенно зависит от эффективности информационной базы системы управления.

Между типами управления и информационной базой управления существует очевидная взаимозависимость. Управлению, не претендующему на достижение масштабных целей, не требуется и эффективная информационная база. Равно как и отсутствие надлежащего информационно-аналитического обеспечения не позволяет системе управления ни ставить, ни решать задачи высокого уровня.

Между тем современная управленческая деятельность в государственном и корпоративном секторах все глубже опирается на информационно-технологические системы и аналитическое обеспечение, позволяющие собирать и обрабатывать растущие объемы информации в целях более эффективного принятия управленческих решений и контроля их исполнения. Попыткой ответа на эти потребности были, в частности, несколько этапов создания инфраструктуры «электронного правительства». Однако известен синдром автоматизации хаоса, возникающий в случае ненадлежащей структуризации информационных потоков, административной структуры, производственно-управленческих процессов, а также противоречивого целеполагания. Кроме того, сложность современной экономики предполагает множественность заинтересованных лиц и риск плохой

координации их взаимодействия с соответствующим снижением эффективности функционирования информационных потоков, организаций и систем управления.

Как отметила глава Счетной палаты РФ на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам, «ежегодно на создание информационных систем федеральных органов исполнительной власти тратится 103 млрд руб. Это видимые расходы... Одновременно скрытые расходы, которые не администрирует Министерство связи, — это еще 90 млрд руб. Для чего, почему создаются такие информационные системы — никому не известно... У нас создано 339 государственных информационных систем. Если мы обратимся к тому, как они функционируют, есть ли на них информация в режиме онлайн, нет ли, — мы, к сожалению, увидим достаточно печальные результаты... Но мы не просто потратили деньги на создание этих информационных систем, мы еще и отправляем деньги на их поддержание...» [11] Печаль на этом пейзаже дорисована еще одним фактом — затратами на федеральные бюджетные учреждения: 8884 единицы, получающие 250–320 млн руб. ежегодно и часто столь же неэффективно [11]. «В отсутствие денег возрастает запрос на справедливость», — резюмировала глава Счетной палаты.

Комментарии здесь излишни. Можно лишь сказать, что между этими фактами — прямая связь. «Автоматизация» не снижает неэффективности управления, если в изначальных постановках задачи не было системности, если доминировал плохо завуалированный корыстный интерес, если государственное управление не учитывает или не решает надлежащим образом весь комплекс задач, среди которых «справедливость» — отнюдь не риторическая формула, а, помимо прочего, постановка вопроса о форматах информационного взаимодействия заинтересованных сторон и прозрачности деятельности общественно значимых организаций.

В настоящее время в информационном взаимодействии государственных и негосударственных, финансовых и нефинан-

совых структур преобладают бухгалтерские, налоговые, лицензионные, кадастровые и другие данные, включая данные проверок надзорных органов и судебных инстанций. Значительная часть объема необходимой информации либо не предоставляется, либо имеет недостаточную достоверность и релевантность. Существует множество барьеров для обмена информацией между разными блоками административной структуры, включая различие электронных форматов. Серьезной проблемой является качество, достоверность и своевременность информации, требующейся для успешного управления. Качество, в свою очередь, является следствием как общепринятых экономических и управленческих моделей, сложившихся в реальности практик, так и нормативных требований. Особые вопросы — принятие решений на основе получаемой информации и доступ к необходимой и значимой информации для всех заинтересованных сторон.

Доступ заинтересованных сторон к значимой информации о деятельности крупнейших российских корпораций и их информационная прозрачность явно находятся на начальной стадии эволюции. Так, по выборке из компаний, входящих в рейтинг «Эксперт-400», имеющих листинг на Московской и зарубежных биржах, попадающих в перечень системообразующих организаций, госкорпораций и управляемых ими компаний с выручкой не менее 3 млрд руб., только 2% отечественных компаний отчитываются перед общественностью в формате интегрированного отчета. 26% предоставляют годовые отчеты с элементами информации об устойчивом развитии². При

² Лишь 44 крупнейших российских компании удовлетворяют современным требованиям корпоративной прозрачности, принятым в международном бизнес-сообществе, 138 крупнейших компаний в инициативном порядке раскрывают отчетную информацию выше требований ЦБ РФ, 293 компании раскрывают отчетную информацию, руководствуясь только требованиями ЦБ РФ. Корпоративная прозрачность системообразующих компаний, формирующих более 70% совокупного национального дохода РФ, крайне низка.

этом наиболее прозрачными оказались компании атомной отрасли, а наиболее непрозрачными оказались компании сферы розничной торговли и информационных технологий [12].

Таким образом, в системе государственного и корпоративного управления и в ее взаимодействии со всеми заинтересованными сторонами имеется фундаментальная проблема информационного взаимодействия. Очевидно, она прежде всего отражает избыточно высокий уровень монополизации в экономической системе и тот комплекс причин, который описывается метафорой «институциональная ловушка».

В условиях активно ведущейся автоматизации («дигитализации») деятельности органов государственного управления, промышленных предприятий и базовых инфраструктур (финансовой, энергетической, транспортной, жилищно-коммунальной, социальной и т.п.) предполагается, что система управления социально-экономическим развитием должна уметь не только справляться с нарастающим информационным потоком и обеспечивать устойчивость работы управляемых подсистем, но и создавать условия для наращивания их интегральной жизнеспособности. По существу, речь идет о разработке и внедрении на всех уровнях новой модели управления, отвечающей как современным и перспективным требованиям, так и технологическим возможностям. В этой области развернулось глобальное научно-технологическое соперничество и были выстроены цифровые платформы для регулирования ряда значимых глобальных процессов.

Актуальность и практическая значимость данной проблематики признана на уровне президента, правительства и Центрального банка РФ, а также делового и научно-экспертного сообщества. Помимо концептуальных решений речь идет о мерах по созданию единого электронного формата представления и обмена данными [8]. В перспективе планируется создание единой государственной информационной системы представления отчетности. Одновременно Банком России прораба-

тывается возможность внедрения современного унифицированного формата обмена отчетными данными в деятельности финансового и нефинансового секторов экономики³.

Эта работа сталкивается с серьезными трудностями. Они связаны как с незаинтересованностью структур управления в формировании общей информационной базы, так и с накопившимся за несколько поколений разнообразием технических решений, в ряде случаев несовместимых. Однако критическое значение сегодня имеет противоречивость аксиоматик (таксономий) разрабатываемых информационно-технических решений. В свою очередь, проблема аксиоматики приводит к вопросу о фундаментальных основаниях самой идеологии управления. Ключевой тенденцией в этом контексте является развитие доктрины устойчивого развития и основанной на ней нормативно-правовой базы.

Устойчивое развитие подразумевает сбалансированное развитие трех составляющих подсистем: экономической, социальной и экологической. Термин «устойчивое развитие» был

³ Банк России в течение последних двух лет проводил исследования возможности внедрения единого электронного формата представления отчетных данных. В частности, было установлено, что формат XBRL получил наилучшую комплексную оценку при сравнении его с форматами XML, SDMX, EDIFACT, FrML, XLS, DBF. В настоящее время он используется большинством стран БРИКС и «Большой двадцатки». При этом XBRL является открытым форматом обмена данными, применяемым как в государственном регулировании, так и налоговыми органами, участниками финансовых рынков и инвестиционным сообществом. Переход на новый формат предусматривает поэтапное изменение автоматизированных процессов сбора и анализа всех видов отчетности поднадзорных организаций. Это позволит устранить избыточность и дублирование отчетных данных, повысить достоверность и качество поступающей информации, унифицировать формат межведомственного и международного электронного обмена данными и в среднесрочной перспективе снизить нагрузку на поднадзорные организации по подготовке комплектов отчетности в различные ведомства. Переход поднадзорных ЦБ организаций на формат XBRL запланирован на 2017–2018 гг.

введен в 1983 г. Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию, созданной в ответ на растущую озабоченность общественности быстрым ухудшением экологической обстановки в мире. Определение устойчивого развития закреплено в стандарте ISO:26000, а также ISO:20121. Под устойчивым развитием понимается «развитие, которое удовлетворяет потребностям настоящего времени, не ставя под сомнение возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности» [13]. Оно соотносится с целями высокого качества жизни, здоровья и благополучия, социальной справедливостью, а также с необходимостью поддержания «способности Земли создавать жизнь во всем ее разнообразии» [14]. Понятие устойчивого развития применимо к системе любой размерности. При всей известной критике доктрины устойчивого развития она дала сильный импульс разработке новых подходов к осознанию более широких, нежели финансовые, смыслов экономической деятельности и управления. Аккумулируется эта тенденция в трансформацию понимания стоимости организаций и национального богатства.

На сегодня общепризнанной системы оценки стоимости организаций не существует. Решить эту проблему призваны инструменты нефинансовой отчетности, пытающиеся учесть те аспекты капиталообразования, которые не охватываются финансовыми индикаторами⁴. Все эти инициативы зародились во второй половине 1990-х гг. и непрерывно совершенствовались с учетом практики дальнейшего применения [15].

⁴ Наиболее распространенными стандартами в области нефинансовой отчетности стали серия стандартов ISO:14000; принципы CERES (коалиция за создание экологически ответственной экономики); Глобальная инициатива по отчетности (GRI); международные стандарты серии AccountAbility (AA1000); комплекс стандартов SocialAccountability (SA); Глобальный договор ООН (Global Compact); принципы EQUATOR; британская Ethical Trading Initiative (ETI); декларация ООН «Цели развития тысячелетия» (ЦРТ) и другие.

Нефинансовая отчетность стала попыткой отражения стоимости бизнеса в качественных категориях, объединяя в себе сведения об экологической и социальной составляющих, без которых нельзя достоверно оценить рыночную стоимость компании, ее перспективы, влияние на общество и окружающую среду. Наиболее значимые в настоящее время направления работы по нефинансовой отчетности включают в себя переориентацию на долгосрочные стратегические факторы, управление капиталом, развитие культуры, человеческого капитала и учета нематериальных активов [16].

По существу, центральный пункт в понимании и устойчивого развития, и эволюции нефинансовой отчетности — трактовка содержания понятия «капитал». Под капиталом понимается «запас стоимости, который увеличивается, уменьшается или трансформируется вследствие деятельности организации». Стоимость имеет два взаимосвязанных аспекта — «стоимость, создаваемая для самой организации, что обеспечивает возврат инвестиций поставщикам финансового капитала, и для заинтересованных сторон и общества в целом» [17]. Соответственно, выделяются виды капитала: финансовый, производственный, интеллектуальный (включая организационный), человеческий, социально-репутационный и природный. Очевидно, что возможности бухгалтерского измерения по каждому виду капитала неодинаковы. Однако понимание индикаторов, состава агрегатов и методов измерения капиталов постоянно эволюционирует. Новым шагом в этом отношении стала разработка инструментов интегрированного менеджмента.

Необходимо отметить, что процесс капиталообразования в РФ существенно сужен и что существует значительный разрыв между реальными активами страны и активами, признаваемыми действующими практиками учета.

Однако на концептуальном уровне уже накоплен большой арсенал подходов и решений, пытающихся свести в единую си-

стему множество финансовых и нефинансовых факторов экономической деятельности. Разработана серия международных и отечественных стандартов, которые охватывают вопросы управления активами, инвестициями, ресурсами, проектами, рисками и областями взаимодействия с заинтересованными лицами. Интенсивно ведется разработка стандартов для цифровой экономики. Предпринимаются активные действия по внедрению Стандарта интегрированной отчетности и управленческой деятельности в ведущих мировых корпорациях, регуляторах и на биржах.

Собственно разработка формата интегрированной отчетности (ИО) началась в 1997 г. Она мотивировалась осознанием слабостей и рисков той базовой экономической модели, которая и привела впоследствии к глобальному экономическому кризису 2008 г. и последующих лет. Механизм циклической работы этой модели, приводящей к инвестиционным бумам, поднимающим новые отрасли, а затем к «финансовым пузырям» и «пирамидам» и последующим банкротствам, дефолтам и кризисам, хорошо исследован в науке [18].

На саммите, состоявшемся в декабре 2013 г., более 200 представителей глобальных экономических институтов, регуляторов и крупнейших корпораций рекомендовали для широкого внедрения принципы и Стандарт интегрированной отчетности. Еще раньше в рамках ООН была создана группа по проблеме адекватности измерений экономического роста. Работа по вопросам измерений национального богатства, стандартов оценки активов, финансовой и нефинансовой отчетности, семантики бизнес-процессов, создания автоматизированных систем обмена данными и поддержки управленческих решений давно ведется в ведущих международных организациях, государствах и крупнейших корпорациях. Важнейшим стимулом к данным собраниям, проектам и инициативам стало осознание серьезности не только финансового, но и концептуального кризиса. По существу, речь идет о революции в глобальной па-

радикале восприятия экономики, ведения бизнеса и институтов его регулирования⁵.

Представление о ключевых сдвигах в самой философии управления и бизнеса дают принципы интегрированной отчетности и управленческой деятельности. Они включают в себя: 1) ориентацию на будущее — анализ стратегий организаций и их способности создавать стоимость, используя разные виды капиталов; 2) связность информации — необходимость в целостной картине комбинаций, взаимосвязей и взаимозависимостей между факторами, влияющими на способность организации создавать стоимость в течение долгого времени; 3) взаимодействие с заинтересованными сторонами, предполагающее понимание и учет законных и обосно-

⁵ Первые шаги по практическому внедрению принципов и форматов интегрированной отчетности были предприняты в Сингапуре, Австралии, Нидерландах и ЮАР. Впоследствии эта инициатива получила развитие в Японии, Германии, Нидерландах, Великобритании, Северной Америке, Бразилии, Австралазии (Австралия, Новая Зеландия, Китай), Индии, Франции, ЮАР, Скандинавии и России. Крупнейшие мировые ресурсовладельцы приняли Принципы ответственного инвестирования, которые включают в себя наличие интегрированной отчетности. Участниками этой международной инициативы стали и ведущие российские корпорации, начиная с предприятий «Росатома» как наиболее экспортоориентированных и сфокусированных на приоритетах экологической безопасности. К настоящему времени многие мировые фондовые биржи уже перешли на стандарт отчета по устойчивому развитию как промежуточный этап внедрения интегрированных отчетов, предполагая перейти к ним в ближайшие годы. Кроме того, в законодательства ряда стран вносятся поправки, легализующие моральные требования к добросовестности предпринимательства, менеджмента, инвестиций, государственного администрирования. Динамику внедрения интегрированной отчетности можно проследить по данным CorporateRegister.com и GRI. В настоящее время круг сторонников интегрированного подхода к управленческому мышлению беспрецедентен для подобного рода инициатив. Концепция интегрированной отчетности была поддержана на конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» в июне 2012 г. делегатами от 196 стран и включена в Итоговый документ, представляющий собой набор соглашений высокого уровня, достигнутых на межправительственной встрече [11], [17].

ванных потребностей заинтересованных сторон, их интересов и запросов; 4) существенность, акцент на той информации, которая оказывает существенное влияние на оценку способности организации создавать стоимость в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах; 5) краткость; 6) достоверность и полноту, подразумевающие внимание как к положительным, так и к отрицательным фактам деятельности; 7) постоянство и сопоставимость, предполагающие возможность корректного ретроспективного анализа данных и сравнения с аналогами [17].

По сути, выход на бухгалтерский уровень давно назревавшего недовольства точностью и адекватностью измерений экономической динамики ознаменовал совершенно новую ситуацию. В конце концов, теоретические дискуссии и споры могут происходить пусть и ожесточенно, но обособленно от экономической практики. Однако если затрагиваются методологические и нормативные основы учетной политики, то начинает индуцироваться сильная социальная энергия для институциональных преобразований.

Стоит подчеркнуть, что было бы интеллектуальным зазнайством забыть тех великих мыслителей, которые ввели в научный оборот саму идею интегрированности: В.И. Вернадского, Т. де Шардена, П. Сорокина, И. Пригожина и других. В этом смысле выход к интегрированности в экономической науке и в управленческой практике, к пониманию интегрированности и ее операционализации для целей всех заинтересованных сторон — это серьезная новация последнего времени, реализующая научную парадигму теории сложности (синергетики).

Рассмотрим далее эти вопросы подробнее. Логика рассмотрения сформирована следующим образом. В главе 1 рассмотрена взаимосвязь категорий устойчивого развития, этики бизнеса и ответственного лидерства. В главе 2 показаны предпосылки возникновения интегрированной отчетности, процесс ее признания в качестве ключевой институциональной инно-

В главе 3 предметно рассмотрена структура собственно международного стандарта интегрированной отчетности, ядро ее концепции — трактовка стоимости и капитала, принципы и элементы стандарта, а также матрица компетенций. 4-я глава акцентирует внимание на важнейшей методологической проблеме — существенности отчетных данных, а также на проблемах измерения.